

12+

Павел Ткаченко

Тропой предков

Записки русского
путешественника

Павел Ткаченко
Тропой предков. Записки
русского путешественника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29803806
ISBN 9785449043139

Аннотация

Так же, как Становой хребет объединяет близлежащие отроги, так и Русский Дух объединяет наше многонациональное общество. Исчезнет Русский Дух – развалится не только страна, но и вся Евразия погрязнет в суете передела жизненных пространств.

Содержание

От автора	5
Глава 1. «ВСТРЕЧЬ СОЛНЦА»	8
Тимптон	8
Нельгюу	18
Ытымджа	31
Гонам	41
Мулам	49
Сивагли	58
Амнундали	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Тропой предков Записки русского путешественника Павел Ткаченко

Владимир Вещунов *Редактор*

© Павел Ткаченко, 2025

ISBN 978-5-4490-4313-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эта книга связана с исследованиями путей наших Предков в Амурский край в XVII веке, в основу её легли 7 экспедиций по районам Дальневосточного федерального округа. Все они (кроме первых двух) проведены под эгидой краеведческой общественной организации России – Общества изучения Амурского края, Русского Географического общества.

Тягу к путешествиям в людях не заменят никакие развлекательные круизы, ибо путешествие – это важная ступень в открытии Мира, это яркая жизнь на пределе физических и психологических возможностей.

Создавая огромную страну, русские люди исходили столько путей-дорог по лесам и горам, по рекам и морям, как никакой другой народ. Правда, подчас можно услышать, что никаких мотивов, кроме корыстных, колонизаторских, у них не было. Но могли ли небольшие группки людей силой подчинять население территорий в миллионы квадратных километров?.. Здесь сквозь термин «колонизация» проглядывает нечто другое, а именно, подвижничество. Оно, как известно, несёт в себе самопожертвование, которое в табели о рангах стоит повыше личной корысти. *е*

Русский землепроходец – это и пешеход, и всадник, и речник, и мореход; это вольнолюбец и патриот, воин и пахарь,

разведчик и исследователь, промысловик и торговец. Если говорить о его внутреннем мире – это человек православный. Русский землепроходец – это прежде всего казак, хозяин и защитник земли. И хотя рождение слова «казак» относят к XV веку христианского летоисчисления, суть его, как и суть православия, уходит в глубину тысячелетий, в дохристианские, и даже в добиблейские времена. Взглянув на природу, мы увидим, что каждая, даже неразумная, тварь защищает территорию, на которой живёт. Это незыблемый закон мироздания. Если территория не защищается, она захватывается другими. И прошлое человечества подтверждает, что без хозяина-защитника народ превращается в толпу, которую обязательно поработают...

XVII век – расцвет русских экспедиций «встречь солнца». Тысячи километров таёжного бездорожья, тысячи миль ледовитых морей; морозы, от которых леденеет дыхание, голод, вынуждающий людей питаться корой деревьев; несметные полчища гнуса... Пытаешься представить среди суровых пространств малочисленные группки плохо снаряженных людей (без авиации, без связи) – и воображение теряется в бесконечных хребтах и чащах. И как бы не трактовали историки их стремление в неосвоенные земли, у наших Предков не отнять одного – бльшая их часть обладала созидательной силой, которой очень не хватает нашим современникам. **o**

Знаменательный выход к Тихому океану небольшого от-

ряда казаков под руководством Ивана Москвитина побудил меня смоделировать их путь, чтобы вникнуть в образ жизни землепроходцев, понять их мысли и чувства. Собираясь в путь, я надеялся на свой прежний экспедиционный опыт. Но он же внушал и опасения. Ведь предстояло пройти около тысячи километров бездорожья, полагаясь только на себя.

Впоследствии, обратив внимание на неточности в трактовке первых маршрутов на Амур нашими современниками, я исследовал те отрезки, которые вызывали сомнение... Люди по-разному относились к этим экспедициям, но всех моих собеседников и читателей объединяло одно – неравнодушие. А историк В.Н.Чернавская написала в отзыве на книгу: «экспедиции вносят серьёзные уточнения в историю изучения амурских экспедиций русских землепроходцев... автор так описывает их, что позволяет читателю увидеть красоту тайги и почувствовать грозность стихии».

Глава 1. «ВСТРЕЧЬ СОЛНЦА»

*До Ламы идучи кормились
деревом, травой и кореньем...
Роспись рекам...*

ТИМПТОН

Каждый, кто бывал в длительных путешествиях, знает, как хлопотны сборы в тех случаях, когда экспедиция многочисленна. Одному собраться в путь гораздо проще – главное, настроиться психологически и сделать заплечную ношу подъёмной. Мне это удалось: вес рюкзака не превысил двух с половиной пудов, а мыслями я давно уже был где-то там, среди девственных чащ и прозрачных речек. Единственной проблемой оставались топографические карты двухсоттысячного масштаба на якутский участок маршрута. Никогда не удавалось приобрести их, находясь в Приморье. Пришлось выехать в Якутию с надеждой раздобыть карты на месте.

Без карт или проводника двигаться по незнакомой местности в нужном направлении очень сложно. Поэтому, добравшись до посёлка Чульман, прежде всего я направил-

ся в геологоразведочную экспедицию. Познакомился с главным геологом экспедиции Николаем Язковым, рассказал ему о замысле вникнуть в жизнь землепроходцев, и через полчаса держал в руках драгоценные карты. Разве это не чудо для времён «застоя»? Сколько времени было потрачено на приобретение секретных тогда карт на хабаровский участок пути! Вопросы, счета, волокита, официоз... А тут – совсем другое отношение...

Отправным пунктом я наметил посёлок Снежный, отстоящий от Алдано-Якутской магистрали на сорок с лишним километров к востоку, вблизи посёлка Канкунский. Автобусы на север не ходили, и пришлось потратить день на утомительный автостоп. Когда вечером на развилке дорог вылез из попутки, всюду поливал дождь. Но тут, наконец, повезло – не успел даже как следует вымокнуть. Виляя по раскисшей грунтовке, залепленный грязью от колёс до крыши кабины, меня догнал ГАЗ-66.

– Залазь, братан! – донеслось из-за распахнувшейся дверцы.

Вместе с подобранными меня горноспасателями я двое суток жил в Снежном, пережидая непогоду. Узнав о моём намерении, добродети сначала отнеслись к нему скептически, но затем загорелись затеей, и даже сожалели, что не могут отправиться со мной в дальний путь. А на прощанье раздобыли мне в посёлке неожиданного компаньона – здоровенного пса по кличке Амур, которого я наскоро прикормил.

Ждать, когда прекратится то проливной, то морозящий дождь, надоело. 18 июля взвалив на спину рюкзак и взяв в руку верёвку, на другом конце которой был привязан новоиспеченный попутчик, я прощально махнул мужикам и устремился за рвущимся Амуром, стараясь не поскользнуться на мокрых кочках.

Первый же обозначенный на карте ручеёк дожди вытеснили из берегов. Сбросив ношу и привязав пса к кусту, я долго выискивал удобную переправу, потом подтащил рюкзак к самому узкому месту, передохнул, прицелился и метнул его на выступ противоположного берега. Он увесисто плюхнулся на кочку, заросшую упругим ерником, и, спружинив, медленно повалился в kloкочущий поток. Недолго думая, я оттолкнулся от вязкой почвы и прыгнул в воду, вымокнув до пояса. Скарб был спасён, но поиск переправы оказался напрасным.

За ручьем начались мари. Сквозь болотную траву всюду блестит вода. Ноги пружинят на кочках, почти по колёно проваливаются в хлябь. Сердце стучит отбойным молотком. А комарью дождь не помеха, звенящей ордой накидываются на свеженину, пируют. Останавливаюсь на «перекур» через каждые полкилометра, когда ноги наливаются свинцом и лёгким не хватает воздуха. Однако всё это нисколько не омрачает настроения. Впереди большой путь. На его фоне всё остальное – мелочь.

Выбравшись на более-менее сносную дорогу, отпустил

Амура вместе с верёвкой. Если вдруг захочет удрать, поймать будет легче. Почувствовав свободу, он тут же помчался за порхающими пичугами. Некоторое время я с беспокойством наблюдал за его беготнёй, но он время от времени останавливался, осматривался и, увидав меня, вновь мчался по своим собачьим делам. Я успокоился и вовсе освободил его от привязи.

Во время очередного короткого отдыха заметил среди зарослей светлое пятно, которое то исчезало, то вновь появлялось. Долго приглядывался, пока, наконец, не распознал сокжоя – дикого оленя. Он что-то там щипал, изредка мелькая в просветах ветвей.

– Амурка! – позвал я шёпотом распластавшегося на мху спутника. Тот открыл глаза, приподнял голову. – Зверь дикий шастает, что ж ты разлёгся?

Пёс, будто раздумывая, стоит ли ради пустяка прерывать отдых, чуть полежал в неудобной позе и снова, прижмурившись, уронил голову на мох. Мне стало интересно, есть ли у него инстинкт охотника, и я не спеша направился в сторону сокжоя. Амуру ничего не оставалось, как последовать за мной. Когда подошли поближе, он забеспокоился, опустил морду к земле, закружил по кустам. Минут десять носился там, но оленя, как говорится, и след простыл.

К концу дня дождь снова зачастил. Насквозь мокрый и совершенно обессиленный тяжкой поклажей, подошел я к избушке, о которой упоминали провожавшие меня мужики.

С нормальным грузом за спиной в сухую погоду ходу к ней три-четыре часа. Я же затратил более семи. От нагрузки разболелось дважды оперированное колено, появилась хромота. Замелькали упаднические мысли. Однако физическая усталость сделала доброе дело: едва только я вытянулся на нарах, как тут же уснул.

Не зря говорится: утро вечера мудренее. Утром ныли плечи, мышцы ног, но боль в колене утихла, а вместе с ней исчезли и мрачные мысли. Правда, смена образа жизни повлияла не только на меня. У Амура что-то с глазами: припухли, закисли, превратились в щелки – уж не болезнь ли какая? Тьфу, тьфу, тьфу! На всякий случай промыл их крепким чаем.

В воздухе всё та же морось, и так же едва различимы сквозь её пелену сглаженные сопки. Здесь, на плоском водоразделе, это мешает ориентировке, и, если бы не набитая тропа, можно было бы легко сбиться с пути.

Сегодня под ногами вместо болота – каменные россыпи. Идти легко, и до спуска к Тимптону я добрался без задержек. Долина реки сверху почти неразличима. Глубоко врезанная в рельеф, петляющая, она теряется среди бесконечных гор. Даже не верится, что где-то там, восьмьюстами метрами ниже, протекает мощный поток.

Осматривая окрестности, я невольно представил крохотную фигурку путника в этом хаосе вздыбленных хребтов, простирающихся до Охотского моря почти на тысячу кило-

метров. Вот она, волнующая кровь притягательность путешествия! Предвкушение нового, неизведанного переполняет душу, хотя ясности об исходе затеи нет. Всегда могут возникнуть непредвиденные обстоятельства. Конечно, путешественник обязан рассчитать свои возможности. С первого до последнего шага одиночник должен помнить, что спешка и торопливость приводят к неприятностям. В отдельных случаях, безусловно, не обойтись без мгновенных решений и действий, поскольку стихия часто непредсказуема. Но их эффективность зависит от общей подготовленности и выдержки путешественника.

Маршрут от АЯМа до Охотоморья

Начало пути каждый раз связано с привыканием. Рюкзак вначале особенно тяжёл. Болят мышцы, на ступнях набиваются мозоли, с перегрузками работает сердце; зверский аппетит, несмотря на усталость в конце дня; тучи комаров, гнуса, ночные шорохи... Это самая эмоциональная часть пути. Даже если всё знакомо, всё равно будто бы внове. Именно в начале пути вырабатывается система поведения: упорядоченность действий, наблюдательность, спокойствие. Безопасность путешествия всегда зависит больше от действий человека, чем от внешних обстоятельств...

По мере спуска к реке всё явственней обозначается долина, всё выше вздымаются горы. Высокие лиственницы, берёзы и ели скрывают крутизну склонов, но и служат опорой на неудобных участках. Ноги после каждой четверти часа

спуска деревенеют от напряжения.

Всё вокруг сочится водой. С ветвей при малейшем сотрясении срывается холодный душ. В узенькой пойме реки высокая трава увешана гроздьями крупных капель. Сбивая их посохом, я подошёл к полуразрушенному зимовью, у которого крышу заменял дырявый кусок полиэтиленовой пленки. Занёс в это убогое прибежище рюкзак и спустился к реке. Мутный поток, не вмещаясь в русло двухсотметровой ширины, мчал по кустам. Ладно, утром будет видно, как быть, а пока костёр, ужин, сушка и ночлег.

Ночью дождь, не переставая, барабанил по кое-как залатанной крыше. Проржавевшая печка отчаянно дымила и почти не грела. Я часто просыпался и с досадой думал, что вода в реке поднимется ещё.

Предчувствие меня не обмануло: за ночь уровень реки поднялся ещё на полметра. В пенистых валах неслись ветки, сучки, коряги и даже брёвна. По компасу разметил створы (воткнул в берег по два тонких шеста параллельно друг другу и перпендикулярно руслу) и, едва успевая перебегать между створами, засек время их пересечения проплывающими корягами. Скорость течения получалась не менее двух метров в секунду. Я понимал, что через такую реку переправиться не удастся, и соображал, когда же начнётся спад воды. Окинул мысленным взглядом вытянутый к югу бассейн Тимптона. Если ненастье во всём бассейне, то не скоро, поскольку паводковая волна будет растянута. Значит, придётся ждать.

Будь у меня с собой надувная лодка, проблемы с переправой не возникло бы.

Собираясь в поход, я обдумывал этот вопрос. Все плюсы лодки исчезали при подсчёте веса, который предстояло взвалить на плечи. Сооружать же плоты из бревен – это потеря времени, да и не везде есть для этого подходящий материал. Поэтому десять волейбольных камер в брезентовом чехле, скрепленные палками и веревками с надувным матрасом, показались мне выходом из положения. Развёрнутый чехол служил ещё и крышей при ночлегах, а матрас порой выполнял и своё прямое назначение.

Теперь, раз речь зашла о снаряжении, несколько слов об остальной экипировке. В любом путешествии от неё зависит много, а в одиночном – тем более. Если двое людей могут взять с собой один топор, одно ружьё, одну палатку, то один человек не может взять всего по половинке, чтобы облегчить ношу. Поэтому палатка и спальник в одиночном таёжном путешествии в летне-осеннюю пору вовсе не нужны – спать у костра много приятнее. Брать с собой что-то одно нет смысла. Ночью в палатке без спальника холодно. Без палатки же сохранить спальник сухим невозможно, нести мокрым – тяжело, а просушка требует уйму времени. Да и спать в нём у костра опасно – рано или поздно он обязательно задымится, и можно получить ожоги. Само собой разумеется, что в глухой тайге не обойтись без ружья. Ведь нести на себе запас продуктов более чем на три недели вместе с осталь-

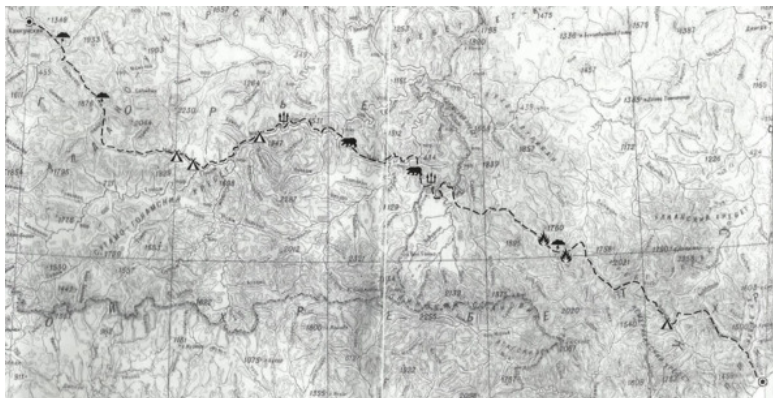
ным снаряжением практически невозможно. Поэтому у меня с собой была одностволка шестнадцатого калибра, тридцать патронов, лески, блесны, крючки. Что касается запасов питания в рюкзаке – это, прежде всего, сухие концентраты и приправы. Ну и, наконец, запасная одежда, две аптечки: для тела и для снаряжения, и для души – маленький радио-приёмник.

Утром следующего дня уровень воды понизился, скорость течения упала до полутора метров в секунду, меньше стало паводкового хлама. Пора переправляться на противоположный берег! Не мешкая, я принялся за сборку своего надувного изобретения. Ранее подобным плотом пользоваться мне не приходилось, и оттого не покидало чувство тревоги: будет ли он устойчив, удастся ли пересечь широкий поток, поплывет ли за мной Амур?

Как назло, разгулялась мощная гроза. Молнии вспарывали стену проливного дождя и сумрак елового леса зловещими вспышками. Гром раскатывался в узкой речной долине оглушительным треском. Казалось, вся эта вакханалия смещается в район моей стоянки, чтобы разгромить её. Один раз так сверкнуло и громыкнуло, что в глазах потемнело, а в ушах несколько минут стоял звон. Но, к счастью, грозы кратковременны. Так вышло и на этот раз. Опасаясь, как бы вода вновь не начала прибывать, я с удвоенной энергией продолжил сооружение плота.

Когда все было готово, я перенёс его выше по течению,

подозвал пса, дал ему последний кусочек колбасы, привязал к плоту рюкзак, уселся сверху и оттолкнулся от берега. Течение подхватило плот, а я принялся грести так, будто за мной гналась стая голодных волков, стараясь успеть переправиться до впадения в Тимптон отжимного течения Нельгюу. Боковым зрением увидел, что берег отдаляется медленно. Амур, провожая меня встревоженным взглядом, жалобно заскулил, залаял, побежал вдоль берега. Не оглядываясь, я несколько раз громко окликнул его, намекая на повторное угощение. Плот держался на воде хорошо, и после середины реки стало ясно, что переправа удалась. Теперь можно расслабить одеревеневшую спину и оглянуться. Среди мутных валов разглядел собачью голову с прижатыми ушами. Молодчина Амурка! Настроение мгновенно стало прекрасным.

Нельгюу

Льёт и льёт. Мгновенья затишья настолько кратковременны, что солнце не успевает появиться из-за туч. Но Тимптон позади, и, хотя слякоть осточертела, отправляюсь вверх по его крупному притоку – Нельгюу (написать это название просто, а произнести его правильно удаётся не сразу).

Валунные отмели и косы, по которым я надеялся продвигаться, скрыты бурлящей водой. Это значит, что нужно карабкаться по крутому склону долины. Замаскированные болотным багульником и кустиками недозревшей голубики, скользкие корни и сучья то и дело валили с ног, а тяжелая ноша всякий раз припечатывала меня к пропитанной водой земле. С нелестными словами в адрес небесной канцелярии я освобождался от лямок рюкзака и выползал из-под него на волю. Амур – мокрый, понурый, с опущенным хвостом, равнодушно взирал на мои кувыркания, и весь его вид как бы говорил: «Ну не можешь ходить на двух лапах – ходи, как я, на четырёх, а вообще хороший хозяин в такую погоду собаку на улицу не выгонит». В ответ на это я ему резонно напомнил:

– Тебя ведь в посёлке убить хотели за бестолковость, а здесь воля. Жизнь без комфорта все же лучше смерти.

Через три часа ползанья по склону с убойным рюкзаком показалась узкая долина Кен-Уряха – притока, впадающего

в Нельгюу с противоположной стороны. Прямо против его устья вдруг проглянула из-за деревьев крыша охотничьего зимовья. Совершенно мокрый вваливаюсь в уютную избушку.

Жаркая железная печка, булькающий на ней котелок, а за дверью – промозглая сырость. Контраст необычайно приятный. И чем пуще разыгрывалась непогода, тем сильнее радовался я внезапному приюту. Для полного счастья (и чтобы не терять время попусту) натопил баню.

Но вот отхлестаны веником из стланика натруженные мышцы, постирана и высохла за ночь одежда, а ходу нет. Неприступен скальный прижим, тающий в густом тумане; и переправиться на правый берег нельзя: несётся взбухший поток, бурлят осатаневшие перекаты. Разочарованно возвращаюсь в избушку, надеясь, что на следующий день всё же удастся перебраться на противоположную сторону.

Мой напарник лодырь, не мышкует, и при каждом удобном случае норовит подрыхнуть. Не зря, значит, его поселковая жизнь подвергалась угрозе. Сегодня любопытный бурндук едва не забрался ему на нос. Такой факт огорчителен. Ведь у собаки в тайге главная функция – обратить внимание человека на то, чего тот не видит, предупредить о возможной опасности, обнаружить дичь. И если этого нет, то собака превращается в нахлебника. Впрочем, как собеседник Амур меня вполне устраивал. Я подходил к растянувшемуся на полу во весь свой немалый рост сотоварищу, трепал его по за-

гривку и миролюбиво говорил:

– Балдеешь, лентяй? Вставай жрать.

В ответ – лишь слабое шевеление ухом. Однако стоило звякнуть котелку, от его ленивой дрёмы не оставалось и следа. Он вскакивал, заворожённо следил за котелком, нетерпеливо ожидая скудную пайку, потом судорожно её сцакивал и, глядя в опустевшую посудину, откровенно недоумевал: «И это всё? Мне бы ещё». Я прекрасно понимал Амура, но тем не менее отвечал:

– Бесстыжая твоя харя, рюкзак не таскаешь, жратву не ищешь, без конца дрыхнешь, а чревоугодничать горазд.

Похоже, он меня тоже понимал. Потому безропотно облизывал пустую чашу, обнюхивал землю вокруг, выбегал на улицу задрать заднюю лапу и, отряхнувшись от дождя, вновь занимал место у печки, некоторое время ещё с надеждой кося глазом то на меня, то на котелок.

Наконец-то между туч проглянуло солнце. Река слегка поутихла. Примерившись взглядом чуть ли не к каждой струе бурного течения, я удачно переправился на противоположный берег, и разобрал плот. Но неожиданно забастовал Амур: в ответ на призывы плыть ко мне почти час он жалобно скулил и лаял, а затем удрал назад в избушку. Ещё бы! Там тепло, сухо – спать одно наслаждение. Как я его не уговаривал, чего только не сулил – всё напрасно. Да, без колбасы совсем другой расклад. Всё же лишаться Амура в начале пути я счёл плохим признаком. Хочешь – не хочешь, нужно

плыть за ним. Дважды искупавшись в ледяной воде, затратив немало времени, я перетащил «подлого труса» через бурную Нельгюу.

Идти вдоль горной реки всегда неудобно. Скальные прижимы заставляют искать обходы, переправляться с берега на берег, но всё-таки, когда уровень воды невелик, можно продвигаться по галечным или валунным косам, отмелям. Идти по ним относительно легко. Но в ненастье река вспухает и пробираться приходится по крутым склонам. Путь с тяжёлой ношей за спиной становится похожим на полосу препятствий. Конечно, ситуация меняется, если есть тропа. Но тропы, нанесённые на карты, порой лишь условно можно назвать таковыми. Изредка вдруг наткнёшься на замшелую рубку (наискось срубленное у земли деревцо), одиноко торчащую среди густой поросли, да на заплывшие мхом продолговатые углубления в почве. Так вышло и здесь, на Нельгюу. Пытаясь отыскать обозначенную на карте тропу, я то выходил на едва приметные её признаки, то терял их, и петлял по склону. В конце концов, пошёл, доверясь интуиции, изредка заглядывая в карту.

На одном из участков река, повинуясь прихоти гор, образовала длинную излучину с множеством поворотов и прижимов. Чтобы сократить путь, я полез через водоразделы впадающих в реку ручьёв. Подъемы были очень крутые, густо заросшие ерником и стлаником; ноги дрожали от напряжения, сердце рвалось из груди, и мне показалось, что выра-

жение «спустить семь потов», по сравнению с моими усилиями, отображает житейские мелочи. На втором водоразделе когда-то бушевал лесной пожар. Полусгнившие стволы деревьев в два-три этажа вперемешку с густым, как частокол, подлеском, превратили ходьбу в беспрестанное перелазанье и протискивание. Края рукавов энцефалитки изодрались в клочья. Где-то посреди этого хаоса от перенапряжения растянулась связка над щиколоткой, и я захромал. Уже в сумерках спустился в нагромождение глыб у реки, но для поиска удобного ночлега не осталось ни времени, ни сил.

Впервые за много дней очистилось небо. Лёжа у притухшего костра, я замороженно смотрел на яркие созвездия, особенно на ковши Медведиц и любимую звезду путешественников северного полушария – Полярную. Невольно думалось, что и в те давние годы, когда отряды первопроходцев коротали ночи у костров, эти же самые звезды безмолвно взирали на них из своей дали. Они – свидетели всех событий прошлого, настоящего и будущего. Невидимыми нитями соединяют они нас и с Предками, и с потомками. И когда эти нити рвутся, появляются пророчества об апокалипсисе. Вообще звёздное небо обладает удивительной способностью поднимать человека над мирской суетой. Вдруг начинаешь ощущать себя частью огромной Вселенной. После единения со звёздным небосводом кратковременный мир страстей обретает какое-то возвышенное измерение. И потому связь с космосом, как и связь с любимой женщиной, высшее

блаженство. Кто использует для этой цели астролога, тот отсекает от себя тайную весть Небес.

Начался участок пути без карты. Особого беспокойства её отсутствие не вызывало поскольку идя вдоль реки заблудиться нельзя. Вызывала лёгкую досаду невозможность определиться на местности, но появилась и радость – начал клевать хариус. Амур сосредоточенно наблюдал за моими рыбацкими действиями и каждый раз кидался на трепыхающуюся на камнях серебристую еду. Боясь, как бы он не проглотил рыбу вместе с крючком, я криком отгонял его, отцеплял скользкую добычу и отдавал ему. Пёс тотчас, почти по бакланы, проглатывал её. Проголодался, бедняга! Впрочем, я тоже.

Впереди сквозь деревья вновь обозначился скальный прижим. На этот раз мне показалось, что карабкаться вверх не обязательно. Но крутизна склона всё увеличивалась. Одна за другой сбежали к реке зверовые тропки и, наконец, стало ясно, что пройти по склону вряд ли удастся. Сапоги оскальзывались, ноги подворачивались, я хватался за деревья, но упрямо лез дальше, надеясь проскочить неприятный склон «на авось». Вдруг прямо подо мной разверзлась отвесная каменная расщелина. Обозвав себя непечатными словами, полез вверх, время от времени становясь, к радости Амура, на четвереньки. Вот уж где рюкзак показал себя на все сто! А ещё говорят, что своя ноша не тянет. Тянет – не то слово. С ног валит. И всё же я не очень пожа-

лел об «авось». Забравшись наверх, увидел редкую по красоте панораму. Нельгюу шумела далеко внизу. Зажатая утёсами, она огромной змеей извивалась между лесистыми горами и исчезала в неведомой дали. Ну разве плохо хоть иногда почувствовать себя горным орлом?

Сильно беспокоит боль в щиколотке. Тугая повязка не помогает, приходится глотать анальгин, увеличивать число коротких привалов. Ползу как черепаха. Такое ощущение будто какая-то нечистая сила специально строит козни и посмеивается. Благо хоть погода пока солнечная.

Добрался к устьям речек Нельчуха и Улахан-Юрях, впадающих в Нельгюу на небольшом расстоянии друг от друга. У Нельчухи пополнил рыбные запасы. К сожалению, Амур проявил себя здесь не лучшим образом – потихоньку сожрал большую часть улова, пока я метался с удочкой по берегу. На некоторое время наши отношения испортились.

В устье Улахана неожиданно увидел брошенное под открытым небом охотничье снаряжение: новый мотоцикл, переоборудованный под вездеход на трёх автомобильных камерах, бензопилу, охотничье ружье, около сотни капканов, посуду, одежду. Судя по виду, всё это добро мокло уже несколько месяцев. Частью заржавело, частью подгнило. Мне стало интересно, в чём тут дело. В глубине леса обнаружил бунгало, сооружённое из двух слоев рубероида с прослойкой утеплителя между ними. От стен осталась одна рвань – это постарался медведь. Всё вокруг разбросано,

но крыша и печка целы. Решил остановиться здесь на ночлег и заодно как следует осмотреть окрестности. Очевидно, случилась какая-то беда. Но выяснить, смог ли охотник выбраться из передраги, так и не удалось.

Впервые у Амура проявились охотничьи задатки. Со всех ног припустил он за выскочившим из-под куста зайцем, визгливо взлаивая от азарта. Я же, зная уловки длинноухого, поджидал его, не сходя с места. Амур возвратился унылым, но когда увидел зайца в моих руках, решил, что тот по праву принадлежит ему, и попытался присвоить добычу. Невоспитанность явная. Поневоле пришлось восполнить пробелы в его воспитании. Зато в последующие два дня мы мирно питались, не оставив от добычи ни крохи.

Видимо, мой «напарник» начал соображать, что голод — не тётка. И хотя накануне пёс буквально раздулся от проглоченной рыбы, сегодня я вдруг слышал, как он яростно кого-то облаивает в пятистах метрах позади. Возвращаться не хотелось, и я, сбросив рюкзак, решил дожидаться, что же будет дальше. Речные буруны кипели совсем рядом, и всё же сквозь шум переката слышался новый всплеск. Я повернулся на звук и увидел, как прямо в пенные валы бросился крупный сокжой. Видать, крепко напугал его Амур. Но что меня удивило ещё больше, так это отчаянность «охотника». Вслед за оленем он скрылся в бурунах, и его отнесло за пределы видимости. Пока он выбирался на берег, олень удрал.

Снова впереди утёсы. Некоторое время поупражнявшись

в скалолазании и едва не сорвавшись в реку, я упёрся в обрыв. К счастью, течение здесь было спокойным. Надул матрац, положил на него рюкзак, одежду, ружьё и вплавь перебрался на противоположную сторону. Прошёл несколько километров и опять уткнулся в обрыв. После недавнего плавания раздеваться и мёрзнуть в холодной воде не хотелось. Но и лазать по горам осточертело. Окинул взглядом русло и, выбрав самое широкое место перед одним из перекатов, решил перебраться не раздеваясь. Увы, длины сапог не хватило, зато с избытком хватило другого... Выбравшись на берег, я разделся, выкрутил одежду, портянки и, снова облачившись в «доспехи», шагнул на большой камень, с виду казавшийся вполне устойчивым. Камень резко вывернулся из-под ноги, я, как подкошенный, со всего маху рухнул грудью на валуны и свалился в воду. Основной удар, усиленный тяжестью рюкзака, пришёлся под сердце. На мгновенье оно замерло, а затем сделало несколько резких толчков, отчего в глазах поплыли тёмные круги. Отдышавшись и перебинтовав содранную о камень руку, я обнаружил, что пластмассовая коробочка с НЗ в левом нагрудном кармане раздавлена. Выручила она меня. Не будь её смягчающего действия, тёмные круги вполне могли превратиться в непроницаемую тьму.

Опять весь день карабкался вдоль крутых откосов. Вечером едва нашёл у самого уреза воды место для ночлега. Начал накрапывать дождь и всю ночь, не переставая, барабанил по тенту, то усиливаясь, то утихая. Утром стало вид-

но, что обложило наглухо. Мерзопакостная облачность накрыла сопки, поднялся ветер, забрасывая под тент пригоршни слякоти. Замолчал приёмничек – выдохлась батарейка, скрасить тягостное ненастье нечем. Теперь лишь слабый гул изредка пролетающих где-то в поднебесье самолетов напоминал о цивилизации. От вчерашнего падения болела грудь, махать топором тяжело. Настроение подстать непогоде.

Дождь превратился в ливень. К вечеру река вздулась, помутнела. Первоначальный ночлег уже давно под водой. Промокший до нитки за время поисков места для новой стоянки и заготовки дров, я приготовился ко второй ночи. Сухого места нет даже под тентом. В довершение ко всему что-то неладно с организмом после грибного ужина. О настроении уже не вспоминаю – не до него. Ночью почти не спал, карауля костёр как зеницу ока. Если он погаснет, то разжечь его снова не удастся. Вспоминалась давняя история об одном эвенке, который во время затяжного дождя навеки застыл у потухшего костра.

Утром река словно взбесилась. Это уже и не река, а неукротимая стихия. Скорость течения – около пяти метров в секунду. Постоянно слышны глухие удары валунов, сдвигаемых потоком. Шум невообразимый. А небо явно прохудилось – конца-края непогоде не видно. Ненастье создаёт ощущение замкнутого пространства, появляется чувство безысходности. Чтобы отвлечься, я изучал карты, сопоставлял варианты своего дальнейшего маршрута. Таким об-

разом скоротал ещё один день, а к концу третьей ночи дождь постепенно затих.

Утром сквозь разрывы густого тумана проглянули полоски чистого неба. Тайга засверкала красками, и даже мутная грохочущая река казалась обыкновенной и не навевала уныния. После холодного и беспросветного мрака так приятно подставить под солнечные лучи онемевшее тело и хоть ненадолго расслабиться. А вскоре к хорошему настроению добавилась ещё одна радость: закончился участок без карты.

На развилке зверовой тропы мы разошлись с Амуром. Сначала пошли по одной тропке, но она начала уходить от реки, и я вернулся на другую, а Амур побежал назад, видимо, решив, что мы возвращаемся на стоянку. Нам и прежде случалось разлучаться, но собачий нюх делал своё дело. На этот раз после обильных дождей тропы превратились в сплошные ручьи, кусты и трава – в гроздьях капель, и мой запах не задерживался ни на почве, ни на растительности. Шум от реки заглушал мой позывной свист. К тому же путь пересекал осатаневший ручей, через который я едва перебрался по срубленной листовнице. Возвращаться на покинутую стоянку по скользкому бездорожью в обход многочисленных прижимов, да ещё с больной ногой и грудью, задача непосильная. Вечером на стоянке я на всякий случай выстрелил, надеясь, что Амур услышит сигнал. Но, увы! Наши пути разошлись. Возможно, голод научит его ловить мышей и он доживёт до октября, когда в тайге появятся охот-

ники. Но кормить бестолкового пса никто не станет, а, скорее наоборот, съедят его. И мне стало грустно. Привык я к непутевому попутчику. На следующий день показалось даже, что потеря Амура – это недобрый знак, так как при переправе в брод через Улахан-Комус мощное течение сбило меня с ног. Рюкзак, как гиря, не давал подняться, и меня едва не уволокло на глубину...

Ночами заметно похолодало, сказывается высота. Скоро перевал. Всюду заросли кедрового стланика, сильно замедляющие продвижение. Местами пышные «ковры» ягеля, кое-где примятые копытами оленей. Почти в самом верховье Улахана на обширной наледной поляне появились зонтичные соцветия родиолы розовой, более известной под названием золотого корня. Очень кстати. Несколько корней перекочевали в мой рюкзак для добавки к чаю.

Подъём к перевалу выдался длинный, пологий, и выбрался я наверх к самому заходу солнца. Отдышался, огляделся – и от восторга замер: в кристально-прозрачном воздухе вздыбленные вершины хребтов, оттенённые бронзой заката, выглядели необыкновенными, сказочными, но не застывшими, как на картинке, а живыми, постоянно меняющими свой колорит. Впрочем, описывать подобную картину – всё равно, что передавать словами трель соловья. Я выбрал место для костра так, чтобы ничего не упустить из этого великолепия, чтобы навсегда запомнить сказочное видение. И потом, при мерцании звёзд, размышлял о загадочном перепле-

тении необъятных пространств с древними корнями русских людей. Наша Душа потому и непонятна чужеземцам, что те мыслят и чувствуют иначе, ибо живут в другом пространстве. Русская Душа наполнена ширью и красотой северных просторов; она охватывает славян и скифов, ариев и гипербореев, забытый язык которых запечатлён в географических названиях; в ней смешаны ведизм (от ведать, знать) и правоверное христианство, переименованное в XVII веке в православное. Если русский человек когда-нибудь будет видеть только «звезды» отелей, потускнеет его взгляд и опустеет душа. Возможно, он добьётся материальных благ, но утратит самое главное – свою сопричастность к Предкам, связь с Космосом, со-Весть...

Ытымджа

Наконец-то осталась позади негостеприимная Нельгюу. Задержала она меня изрядно. Дожди, травмы, никудышная проходимость отняли, по меньшей мере, неделю. Перевалив через хребет, я словно оставил позади всё наихудшее. Наверное, этому ощущению способствовала отличная погода. Быстро спустившись по крутому густо залесённому склону к небольшому ручью, я почти сразу же наткнулся на палаточный каркас, от которого вдоль ручья тянулась заросшая тропинка. Я проследовал по ней – и вскоре оказался в долине речки Нермингры, впадающей в приток Гонама – Ытымджу.

Характер местности сильно изменился. Сопки расступились, в распаханной болотистой долине, казавшейся после тесных ущелий огромной равниной, встречались не растаявшие наледи почти метровой толщины. И это в августе. Можно представить себе, какой толщины достигали они, например, в апреле. На краю одной из наледей я заметил остов чу-ма из ошкуренных жердей, загон для оленей, настил из брёвен, приподнятый над землёй... Эта покинутая оленеводческая стоянка пришлась весьма кстати. С севера надвинулась чёрная туча, поднялся сильный ветер. Я свернул к стоянке и укрылся под бревенчатым настилом, расстелив сверху него брезент. Гроза отсверкала молниями, пролилась коротким ливнем и унеслась в горы, сотрясая их мощными раскатами

грома.

Вскоре в лесу раздалось бряканье оленьего ботала, к стоянке выбежал олень и остановился. Подумалось, что следом за ним появятся другие олени, а может, и сами оленеводы, но никого не было. Олень вдруг направился ко мне, сердито фыркая. Я удивился: обычно олени пугливы и убегают от незнакомого человека, но раз пожаловал гость – надо его угостить. Повернувшись к рюкзаку, чтобы достать соль – любимое оленьё лакомство, – я заметил, как с другой стороны крадёт к стоянке ещё один незванный гость, которому угощение солью вряд ли бы понравилось. Да и мне этот лохматый незванец был ни к чему. Поэтому я сунул пальцы в рот и громко свистнул. Топтыга вскинулся на дыбы, секунды две-три оценивал неожиданную ситуацию, а затем резко развернулся и скачками понёсся между деревьями, удивляя своей прытью. Когда он скрылся в чаще, я наконец сообразил, что косолапый, отбив оленя от стада, не смог сразу изловить его и «пас» по звуку ботала. Олень же, наткнувшись на меня, искал защиты, и я, сам того не подозревая, спас бедолагу. Вспомнился Амур. Интересно, как бы он повёл себя здесь?

От стоянки по долине тянулся старый след вездехода, и я направился по нему – всё-таки хоть немного примяты болотные кочки. На ночёвку остановился у следующего покинутого табора. Вокруг – кучи хлама, брошенная посуда, тряпье, истрёпанные книги, медикаменты. На старом шатком лабазе

обнаружил перемётные олени сумы, в которых среди одежды лежали бубен и погремушки: одна из челюстей какого-то не очень крупного травоядного животного, а другая из выскобленных оленьих копыт. И лишь спустя два года случайно узнал, что эти вещи предназначались умершему хозяину, похороненному неподалёку — для пользования ими в ином мире. Столетия минули, а не стёрло христианство из памяти лесных людей древние обряды.

Постоянно хочется есть. Кончились сухари; грибы попадают редко; дичи не видно; рыбалки тоже пока нет, а ягодами сыт не будешь. Да и кроме голубики других спелых ягод почти не встречается. Много брусники, но она еще зелёная.

До чего надоел рюкзак! Как хочется быстрее добраться до Ытымджи, чтобы сменить пеший ход на вольготный сплав! На очередном привале, изучив карту, решил срезать путь напрямик, по болотам. В итоге затея оправдалась, но бесчисленные кочки, болотная хлябь, мириады комаров, мошек, оводов вымотали до упада. И когда я приковылял к берегу реки, то был не в состоянии даже отгонять от себя крылатых кровопийц. Счастье, что здесь нет клещей.

Ночью проснулся от оглушающего шума: по тенту барабанил дождь с градом. Подкинул дров в костёр, и пока бодрствовал, обратил внимание на медленное сердцебиение: 42—44 удара в минуту. В комфортных условиях такого ритма у себя не замечал. Это значит, что организм приспособился к нагрузкам, закалился. Но зато на ступнях насчитал деся-

ток затвердевших мозолей, а на кистях рук – множество ссадин и порезов. Прежде, чем взяться за работу топором, приходится тщательно приспособливать его в руках. Перекосившимся на время стало лицо: нечаянно потревожил осиное гнездо, и его обитатели оставили памятный след, который не скрывала даже борода...

Наконец-то мы поменялись с рюкзаком местами. Теперь передвигаюсь я, сидя на нём, а не он едет на мне. После перетаскивания тяжёлой поклажи работа веслом, – как помахивание веером. Единственная забота – это маловодность реки. Она изобилует мелкими перекатами, торчащими и скрытыми под водой камнями. Квадратный плот не очень-то маневрен, всё время задевает их, и я опасаясь, как бы не порвался не защищённый брезентом надувной матрац.

Автор в нижнем течении Ытымджи

Сплав хорош тем, что почти не нужно тратить время на добывание пищи. То утка подвернётся, то удастся прямо с плота поймать на блесну рыбку. А главное, расстояние преодолевается без особого физического напряжения.

По берегам реки изредка встречались старые оленеводческие стоянки. На одной из них возвышался лабаз, накрытый выбеленной солнцем палаткой. Казалось, что люди были здесь недавно, однако всё вокруг заросло кустами и высокой травой. На лабазе хранились упаковки толокняной смеси шестилетней давности. Сначала, опасаясь, что они испорчены, я не отваживался снять пробу, но голодный желудок вы-

нудил пойти у него на поводу. Оказалось, смесь хоть и безвкусна, но вполне съедобна, и я прихватил с собой пару пачек для добавки к супу. На другой стоянке прямо под открытым небом лежали мешки с окаменевшей солью. Видно, что долина Ытымджи была обжита, но люди здесь давно не появлялись.

Русло реки постепенно превратилось в навалы каменных глыб, разделённых короткими плесами. Плот с трудом протискивался через эти нагромождения по бурным струям воды. На матраце протёрлась ткань, и место разрыва вспучилось резиновым пузырем. Волны и брызги на перекатах окатывали рюкзак и одежду, и при очень уж обильном душе во мне вспыхивало негодование. Но, поразмыслив, я успокаивался: ну пусть не просыхает одежда, зато какова скорость движения! Да и гнус не одолевает.

Появились первые признаки осени. Небольшими заплатами на фоне яркой зелени зажелтели тополь и черёмуха, хотя до сентября – ещё три недели. Они сигналили о скором окончании лета, напоминали о том, что времена года чередуются незаметно. Впрочем, так же незаметно пролетают годы, проходит жизнь, сменяются поколения... И с каждым новым поколением понемногу ослабевают связь людей с природой.

Неистовые перекаты остались позади, начались извилистые плёсы, обрамлённые песчаными косами. На одной из них я вдруг увидел недавние человеческие следы. Внимательно их обследовав, определил, что около недели назад здесь

кто-то прошёл с собакой. Тут же неподалёку нашёл потку (плоский фанерный ящик с крышкой, приспособленный для ношения) с прокисшими грибами. В устье Усмуна – лево-бережного притока Ытымджи – тоже следы недавнего пребывания людей, и тоже примерно недельной давности. Чуть ниже устья прекрасное место для рыбалки. Не удержавшись от соблазна, остановился, достал спиннинг. И хотя крупные ленки несколько раз лениво сопровождали блесну к самому берегу, но ни один так и не схватил приманку. Становиться же на ночлег, чтобы порыбачить на вечерней зорьке, было слишком рано.

Лохматые тучи, что ни день, норовят испортить мне настроение, но тщетно. Более того, на очередной ночёвке я расхрабрился до того, что даже не стал разбирать плот, чтобы освободить брезентовую крышу. Очень уж много времени отбирает сборка. А на матраце сплю теперь только в очень сырых местах. Намного теплее ночевать на земле, прогретой костром, – порой даже жарко.

Воды в реке прибавилось, и течение вновь убыстрилось. Это радует, потому что навёрстываются утраченные дни на Нельгюу.

В полдень увидел на берегу стадо оленей, а ещё немного спустя – и самих пастухов, первых людей после расставания с горноспасателями в Снежном. Четыре большие палатки, выгоревшие за лето до белизны, снующие возле них фигуры эвенков, множество оленей неподалеку показали мне по-

сле трёх недель одиночества оазисом цивилизации в пустыне.

Эвенки не удивились моему появлению, поведав, что несколько часов назад от их лагеря отчалили на большом спасательном плоту туристы – трое парней и девушка. Зато я удивился: с неба они свалились, что ли? И в свою очередь рассказал пастухам, что в верховьях Ытымджи медведь гоняет домашнего оленя, что только что видел стадо оленей выше по течению, после чего двое из них тут же снарядились вернуть беглецов.

Приветливая женщина позвала меня в палатку:

– Пойдем чай пить!

Признаться, я ожидал, что так и будет, – таковы таёжные правила. Тем не менее её слова прозвучали музыкой. Хозяйка накормила меня баночным борщом, вкуснейшими лепёшками со сливочным маслом, напоила сладким чаем. После однообразного и скудного питания такое угощение показалось пиршеством.

Пожилой эвенк, узнав о моём намерении добраться до Охотского моря, осмотрел плотик и недоверчиво покачал головой:

– Однако далеко. Не успеешь до снега.

Я с ним не стал спорить и уклончиво ответил:

– Там видно будет.

Мой тон, конечно, был неубедителен. Да ведь я и сам допускал, что могут помешать какие-нибудь чрезвычайные об-

стоятельства. В этом случае, естественно, пришлось бы прерывать маршрут и сплавляться на Алдан, к посёлку Чагда. Но я об этом старался не думать.

Задерживаться у оленеводов я не стал – они собирались перекочёвывать – и через два часа, поблагодарив их за гостеприимство, покинул стойбище.

К вечеру, миновав очередной поворот реки, увидел у обширной галечной косы большой надувной плот, а рядом с ним парня и девушку, чистивших картошку. Двое парней в глубине берега занимались установкой палаток. Я перестал грести, и течение беззвучно и незаметно поднесло меня к табору.

– Добрый вечер!

Туристы, услышав приветствие, подняли удивленные лица и, как и я, обрадовались неожиданной встрече, тут же предложив остановиться на ночлег в их лагере.

После, у костра, отлично поужинав, мы долго общались, и даже выпили в честь встречи бутылку водки, неожиданно появившуюся из объемных туристических баулов. Я не переставал удивляться их мощной экипировке, но, как оказалось, на Ытымджу они попали действительно с неба (забросились вертолётom, и через неделю собирались таким же образом вернуться домой). Это их следы и забытая потка с грибами встретились мне несколькими днями раньше. Парни, посомневавшись в осуществлении моих планов, тем не менее одобрили их. А утром, наблюдая, как я надуваю детские

воздушные шары и засовываю их в брезент (наряду с волейбольными камерами в качестве эксперимента я использовал по три шара, всунутых друг в друга), и видимо, находясь под впечатлением моего аскетического облика, набили мой рюкзак продуктами, чему я несказанно обрадовался. Рюкзак стал таким же тяжёлым, как в начале. Но тащить его не надо и, прежде чем опять начнётся пеший участок маршрута, рюкзак похудеет, а я поправлюсь и поздоровею.

Гонам

Весь день – сплошная благодать. Грозовые тучи обходят меня стороной; Ытымджа влилась в Гонам, и он несёт плот, почти не заставляя братья за весло; Солнце ласкает лучами спину, живот трещит от обилия еды – одним словом, курорт.

После слияния с Сутамом Гонам – мощная река, содержащая в себе много взвесей. По-видимому, где-то в верхних Суताма работают старатели. Долина Гонама становится узкой, стиснутой горами. Река шумит перекатами, за которыми тянутся длинные убаюкивающие плесы. Мой плотик слишком хлипковат для полутораметровых водяных гребней, и я стараюсь проскакать перекаты по краям, где волны поменьше. На одном из поворотов реки не удалось как следует рассмотреть очередное препятствие, и я ошибся в выборе места для прохода. Передо мной вдруг возник опрокидывающийся косой вал, отходящий от выступа скалы. Я был рядом с берегом и попытался причалить, но плот, ткнувшись в камень, тут же понёсся, подхваченный стремительным течением, к огромной глыбе. Спасаясь, я что было мочи погрёб от берега к стрежню, сожалея о тихоходности моего «крейсера». Но всё-таки успел немного отгрести. Со скоростью экспресса влетел плот в гряды пенных валов и заскакал, как необъезженный мустанг. Я же придерживал веслом его прыть, не давая развернуться боком, и, чтобы не опро-

кинуться, при взлёте на гребень наклонялся вперёд и отклонялся назад, проваливаясь вниз. Когда передрыга осталась позади, я не удержался, чтобы не похвалить своего «скакуна», хотя до этого часто сетовал на него.

В 1643 году вверх по Гонаму поднимался отряд первопроходцев под руководством Василия Пояркова. Об этом походе подробнее будет сказано во второй главе, а сейчас, глядя на стиснутое крутыми склонами русло, многочисленные скальные прижимы, бурные перекаты, я понял, почему поярковцы не успели до наступления зимы перейти через Становой хребет. Тащить бечевой тяжело гружённые дощаники в этих местах – задача не из лёгких. Гонам для Пояркова стал географическим препятствием, сильно повлиявшим на результат экспедиции.

По утрам над рекой туманно, противоположный берег едва виден. Поскольку перекаты Гонама весьма бурные, сплавляться вслепую опасно и приходится ждать, пока не развиднеется.

Снова погода не балует. Во время дождя сидеть на плоту неуютно, а если ещё дует пронизывающий встречный ветер, то становится зябко и всё вокруг представляется унылым. При этом сплав хорош только на перекатах, а на плёсах, чтобы двигаться против ветра, нужно беспрестанно грести. Перед Алтан-Чайдахом (правобережным притоком Гонама) издалека заметна необычная для тайги двухэтажная избушка. С радостью укрылся в ней от непогоды, заночевал, оста-

вил здесь рыбные консервы, подаренные туристами. Есть их при сплаве не хочется, поскольку всегда можно поймать свежую рыбу, а тащить на себе после сплава – тем более... Ветер с дождём не прекратились и на следующий день. Всё так же холодно, мерзко, мокро. В устье одной из речушек заметил охотничье зимовье. Обрадовавшись, решил сделать остановку. Но радость оказалась преждевременной – здесь потрудился медведь: крышу изодрал, печку вывернул, постель и вещи вытащил наружу, сделав избушку непригодной для ночёвки.

Ближе к вечеру я увидел ещё одну избушку у ручья Ветви-стого, которую поначалу едва не проскочил мимо. Навстречу мне выбежала собака, а следом появился охотник. До чего густонаселенный район! За пять дней – третья встреча.

Бревенчатые стены избушки, тускло освещённые пламенем свечи, потрескивающая дровами жаркая печка, таёжный собеседник... Попарившись в уютной баньке, я почувствовал себя легко и бодро.

– Хорошо у тебя здесь! – поделился я с хозяином избушки своим настроением. – Не так, как в том зимовье, что выше по реке.

– А что там?

– Да косолапый похозяйничал. Без ремонта не заночуешь.

– Ну, гады, совсем обнаглели! Расплодилось их здесь... Весной, после спячки, бродят по берегам, как коровы, – заругался охотник.

Видно было, что его, недавно залетевшего на промысловый сезон, эта новость расстроила. Но, расспросив меня, он успокоился.

— Ладно, хорошо хоть знаю теперь, что надо будет туда взять. А то пришлось бы лишнюю ходку делать. Работы и так невпроворот...

Слишком везло мне последние дни: харчами разжился, патронов добавилось, с людьми общался, в бане мылся, с комфортом ночевал... Не к добру это. Так оно и вышло. Причиной послужил перекат, который для моего плотика был явно непроходимым. Я обнёс его, но когда оттолкнулся от берега, не заметил коварного валуна, скрытого толчеёй волн. Подхваченный потоком, плот на скорости ткнулся в него, перекосился, а я свалился в реку в развёрнутых болотных сапогах. Если бы плот отнесло, то на этом путешествие, возможно, и закончилось бы: плыть в болотниках — всё равно что с гирями на ногах. (Движения ног выдавливают из сапог залившуюся воду, резина плотно облепляет ноги, не давая сбросить сапоги, и они тянут вниз).

На берегу выяснилось, что весло уплыло, ножа в ножнах нет. А тут ещё начался дождь. Чтобы не мочить запасную одежду, изготовлением нового весла и поисками ножа занимался голышом. Замёрз, как на морском дне; тело покрылось комариными укусами. Ножа так и не нашёл, хотя обыскал весь берег и даже нырял в мутную воду. Лазая по нагромождениям глыб, вдруг увидел сверху, что плот с привя-

занным к нему рюкзаком соскользнул с камней и качается на волнах. Видимо, подскочил уровень воды в реке. Внутри всё похолодело от ужаса. Если плот подхватит течение, догнать его вряд ли удастся: берег — скалы, река — сплошные перекаты. К счастью, прибойные волны не дали плоту сразу отойти от берега, и я успел его задержать.

Проплыв километров десять от залятого места, обнаружил, что патронташа с шестью патронами на поясе нет. Забыл на месте происшествия. Спасибо охотнику, поделившемуся патронами, и спасателям из Снежного, подарившим на прощанье складной ножик.

Несмотря на многочасовую задержку, всё же проплыл свыше пятидесяти километров. Остановился в устье Нингама, когда совсем стемнело и на небе засветила Луна. Здесь находилась бывшая база геологов, о которой я знал заранее, и потому позволил себе сплавляться по реке до столь позднего времени. После нервного, тяжёлого дня просторная изба была как награда.

Начался второй месяц путешествия. И опять дождь.

В одном из распадков заметил лабаз, решил осмотреть местность, нет ли где-нибудь рядом избушки, и наткнулся на останки медведя, угодившего в петлю. Пытаясь вырваться, он вырыл когтями обширную яму, изгрыз корни деревьев, но в конце концов погиб. А другой медведь сожрал его, оставив после трапезы кучи улик.

Заканчивался сплавной участок пути. И будто не желая

отпускать от себя, Гонам на прощанье вынес меня на самый коварный и буйный перекат. Скрытый скалистыми поворотами, он даже вблизи не обнаруживал себя. Однако наученный горьким опытом, я был бдителен и миновал его без происшествий.

После многодневного сидения на крохотном плотике шло в охотку. К тому же денёк выдался великолепный. Небо сияло голубизной, стрекотали кузнечики, дул лёгкий ветерок, под ногами – зверовая тропа... Правда, позже, под вечер, тропа пропала. Шумно пробираясь по густому подлеску, я внезапно увидел в двадцати метрах прямо по курсу толстый медвежий зад. От неожиданности встал как вкопанный. «Он что, глухой?» – мелькнула недоуменная мысль. Сдернув ружьё и не выпуская из виду чем-то увлеченного хозяина тайги, я отошёл на несколько метров к группе деревьев, снял рюкзак и негромко свистнул. Зад исчез. По качающимся веткам стланика было видно, что топтыга не удирает, а обходит меня с подветренной стороны. Подошёл, как ему, наверное, казалось, незамеченным, метров на десять и вытянул из-за куста любопытную морду. Исчезли бурундук и пищуха, только что сновавшие неподалеку. Я уже приготовился стрелять, но на всякий случай сунул пальцы в рот и что было мочи свистнул. На этот раз топтыгу проняло. От резкого разворота громко треснула сломанная ветка – и больше ни звука. Зверь словно растворился. Я подождал несколько минут, наблюдая за вынырнувшими из укромных мест gry-

зунами, а затем, оглядываясь, обошёл место встречи. Вдруг у него там обеденный стол и он его караулит! Через километр заросли расступились, появилась наледная поляна. Солнце погасило лучи – пора было устраиваться на ночлег.

Распадок, по которому я поднимался следующим утром на водораздел между Гонамом и Алгамой, оказался узким и густо заросшим кедровым стлаником. Не прошёл и часа, как увидел под ногами свежий помёт медвежонка, а он ведь в одиночку по тайге не бродит. Сталкиваться в зарослях с его родней после вчерашней встречи совсем не хотелось. Поэтому решил пройти по курумнику и перевалить через более высокую отметку. Сначала склон, хоть и крутой, но вполне проходимый, особых огорчений не принёс. Но ближе к вершине подъём превратился в пытку. Такого густого переплетения стланика и кустарниковой берёзы мне ещё не встречалось. У самого перевала перед моим носом возникла берлога. Хорошо, хоть без хозяина. Впрочем, если бы он и был тут, всё равно бы сбежал, услышав отборную ругань, с помощью которой я продирался сквозь заросли.

Подъём на перевал отнял много часов. Не выдержала цепких ветвей ткань рюкзака, порвался в нескольких местах энцефалитный костюм; покрылись ссадинами руки и лицо. Забравшись наверх, я распластался на продуваемой ветром проплешине и долго лежал, наслаждаясь неподвижностью. Не порадовал и спуск с перевала – те же переплетенья упругих ветвей, те же заросшие мхом провалы между глыбами...

Так, как в этот злополучный день, я ещё не выматывался, хотя и прошёл совсем немного. Всю ночь проспал, как говорится, без задних ног, несмотря на начавшийся дождь.

Мулам

На этот раз собирать вещи в ненастье было не нужно. Необходимо было заняться ремонтом снаряжения, и я весь день зашивал, заштопывал, заклеивал. Но морось не прекратилась и на следующий день. Вылезать из-под «комфортного» тента всё же пришлось.

Два дня пешего пути в мокрой одежде по долине Джеллоё – притоку Алгамы – выдались такими же нудными, как и сплав в непогоду по длинным плёсам Гонама. К концу второго дня мелкий дождь зарядил всерьёз. И чем сильнее припускал он, тем безрадостнее думал я о предстоящем ночлеге. Как всё-таки сильно зависит человек от среды обитания. Может ли дождь сильно помешать исполнению задуманного в городских условиях? В худшем случае заставит нарядиться в непромокаемый плащ. Но в пути затяжные дожди – сущее проклятье. Здесь они пропитывают землю, на которой приходится спать, дрова, без которых невозможно согреться и уснуть, одежду... Во время дождей прячется всё живое, поднимается вода в реках и невозможно поймать рыбу, выходят из берегов ручьи, которые нужно переходить. Тучи опускаются к земле, закрывают обзор и мешают ориентироваться.

С подавленным настроением уже под вечер вышел я на берег Алгамы, высматривая подходящее место для ночлега. И,

как чудо, между деревьями показались охотничья избушка и банька. Холод и слякоть сразу выпустили меня из своих липких объятий. Появилось чувство, словно я вернулся домой. Быстро заделав полиэтиленовой плёнкой выдавленные медведем окна, я растопил печку, разделся и подставил теплу истосковавшееся по нему тело.

Дождь продолжался весь следующий день. Отлично выспавшись, я не спеша собрал плот, порыбачил, но из-за поднявшейся воды в реке поймал всего одного хариуса. Вечером собрал в зимовье старые батарейки, соединил их в гирлянду, чтобы добыть хоть немного электричества для своего приёмника. Это удалось, и, таким образом, была восстановлена односторонняя связь с миром. Голоса людей, особенно женские, слышать было необычайно приятно, причём меня почти не интересовали темы передач. Хотя можно сказать и по-другому: меня интересовало всё без исключения.

Сплавной участок по Алгаме проскочил за день. Разбухшая река быстро несла меня мимо красивейших берегов. То справа, то слева взметались над руслом мощные утёсы. И мне впервые стало жаль, что течение такое быстрое. Временами мелькающие кусты и камни создавали впечатление, что мчусь на беззвучной моторке. У впадения в Алгаму правобережного притока Улахан-Кумкуй сплав закончился. Мне предстояло снова взвалить захребетный скарб и лезть через водораздел между Алгамой и Муламом.

На первом же километре начавшегося пути к перевалу я

понял, что попал впросак. Тропы, жирным штрихом нанесённой на карту, в действительности не было. А я всерьёз рассчитывал на неё и не остановился в зимовье у предыдущего притока, хотя вдоль него тоже была обозначена на карте слабенькая тропка. Вот и верь картам! Позже, правда, встретились одиночные рубки (кто-то здесь однажды продрался), но причем здесь тропа? Нижнее течение Кумкуя стиснуто крутыми курумниками, везде завалы, густейший подлесок, скальные прижимы. За два часа я не прошёл и двух километров. Выше по течению прямо из русла поднимаются крутые склоны. Сколько раз я перешёл вброд русло – не счесть! Представил себе, как, поверив карте, сюда сунулся бы караван с оленями, как поминали бы «добрым» словом топографа каюры. Такие «тропы» есть в каждом распадке.

Заночевал я на берегу этого же злополучного Кумкуя. Рано утром, едва отошёл от ночлега, как при полнейшем безветрии упала рядом с кострищем громадная лиственница. Грохот, будто скала свалилась. А у меня сначала мурашки по спине, а потом радость от того, что вовремя покинул опасное место.

Настал сороковой день пути. За это время я рассчитывал пройти весь маршрут, но одолел только половину. Виной тому, прежде всего, необычно дождливое лето. Часто приходилось отсиживаться, терять дни, поскольку во время обложного дождя идти трудно, а подчас и невозможно; приходилось ждать спада воды в бурных реках, чтобы переправиться

через них. И бездорожье. Рвались о кусты рюкзак и одежда, коварные сучки протыкали сапоги, речные перекаты терзали плот. Чуть ли не ежедневно требовался ремонт снаряжения. Из-за высокой воды в реках много времени тратилось на поимку рыбы. Осмотр зимовий и разведка бурных участков при сплаве тоже отнимали часы, сокращая пройденное за день расстояние.

В одиночном путешествии устройство стоянки, добыча и приготовление пищи, заготовка на ночь дров, слежение за костром, сооружение плота и прочая работа, в отличие от работы в групповом походе, делаются последовательно, а не сразу, отнимают намного больше времени. И хотя одиночное путешествие – это тяжёлый труд, но и прекрасный отдых, это свобода действий и радость преодолений. Никто не подведет, не обманет, не обругает. Правда, и выручить некому. Поэтому успех и безопасность путешествия зависят от опыта и индивидуальных качеств человека. В природе, в отличие от общества, обмана не существует. И чем лучше человек знает природу, тем сильнее он духовно, прочнее психологически. Не случайно говорят: «В тайге всё стерильно». Обычно под этим подразумевается отсутствие заразных микробов. Но, на мой взгляд, это касается и душевных качеств. Ведь большинство таёжников лишены чванства и высокомерия, отзывчивы и бесхитростны. Здесь не важно, кто ты: академик или бродяга, состоятельный или нищий. Ты равный среди равных...

Перед выходом на перевал начались непролазные заросли стланика, и я был весьма рад, когда длинная полоса курумника избавила меня от цепких ветвей. Глядя под ноги, чтобы не угодить в щель между валунами, прибавил шаг. И совершенно неожиданно увидел, как навстречу быстро движется медведь. Моя фигура в выгоревшей под солнцем спецодежде, видимо, сливалась с камнями, и медведь меня не замечал. Я остановился и громко свистнул, но это на топтыгу не подействовало. Тогда, сбросив рюкзак, зарядил ружьё дробью и выстрелил вверх. Звук выстрела заставил косякастого встать на задние лапы и любопытствовать, что это там впереди за чертовщина. Может, не узрев опасности, а может, просто никем не пуганый, он опять встал на четыре лапы и продолжил свой путь. Между зверем и мной оставалось не более полусотни метров, в голове мелькнуло: «Придётся биться». Я переломил ружьё, чтобы вытащить стреляную гильзу и зарядить пулю. К несчастью, металлическая часть патрона оторвалась от картона и, перекосившись, застряла в стволе. Усилий пальцев не хватало, чтобы справиться с неполадкой, а на применение подсобных средств не было времени. Что делать? Бросив отчаянный взгляд по сторонам, я со всех ног поскакал по камням к росшим неподалёку ёлкам. В полосе стланика, споткнувшись, растянулся во весь рост, но тут же вскочил и, не обращая внимания на боль в колене, вскарабкался на дерево. Оттуда было видно, как медведь стоял в нескольких метрах от рюкзака и принюхивал-

ся. Наверное, ему не нравился запах продымленного, пропотевшего сидора. Сидя на ветке, я лихорадочно выковыривал заклинивший патрон и одновременно громко орал косолапому, чтобы он не вздумал трогать мой скарб. И зверь будто внял словам: как бы раздумывая, куда податься, он повернул башку влево, вправо и неспешно скрылся в стланике. Переждав немного, я спустился с дерева и, оглядываясь по сторонам, подошёл к рюкзаку. Так же, с оглядкой, поднялся на перевал. Там оказалось много созревшей кедровой шишки и голубики – настоящее пастбище. Видимо, набив брюхо, медведь захотел утолить жажду и спускался к ручью.

Противоположная сторона перевала оказалась крутой, сложенной из неустойчивых глыб. Пока спускался в верховье ручья, дважды падал, в который раз продырявив рюкзак. Уже живого места не осталось на нём – сплошные швы. А в сумерках оступился, усаживаясь на сучковатое бревно, порвал штаны и поранил ногу. Ночью от стрельнувшего из костра уголька прогорел матрац, воздух из него вышел, и я проснулся, почувствовав под боком твёрдые холодные камни. Сон был испорчен.

К берегу Мулама спустился по ручью Делакаг. В его устье повсюду следы стоянки геологической партии. Палаточные каркасы, ящики с керном, полуразрушенный лабаз, вертолётная площадка – всё заросло травой. Собрав плот, я без сожаления покинул этот пустырь.

Плавучесть плота убавилась. Матрац, хоть и заклеенный,

воздух держал плохо, и осталось всего семь волейбольных камер. Но спокойное течение, слабые перекааты не давали повода для беспокойства. Я достал спиннинг, расслабился и спустя час был за это наказан. Перед поворотом реки, проходя по длинному перекаату, поздно обратил внимание на большие валы и две огромные глыбы посередине русла. Начал бешено грести к берегу. Увы, скорость движения плота оказалась недостаточной. От глыб, правда, удалось увернуться, но в следующий миг плот торпедой влетел в мощные валы первой ступени порога. Рассекая грудью пенные гребни, я всё же удержался на плаву, и кое-как отгрёб ещё от одной глыбы. И вдруг прямо перед собой увидел вторую ступень порога, похожую на огромный кипящий котёл. Ещё дальше просматривался третий перепад воды. Не раздумывая, тут же спрыгнул с плота и, загребая одной рукой, подтянул его к берегу. Пальцы соскальзывали с округлых береговых валунов, течение волокло вниз, норовя вырвать плот. Перед самым сливом в белую кипень зацепиться за берег всё же удалось, и я выполз на вылуны. Перевёл дух и, переодевшись в сухую одежду, осмотрел непредвиденное препятствие. Третья ступень оказалась полутораметровым водопадом, перегораживающим русло. Впрочем, через «кипящий котёл» добраться до неё в добром здравии всё равно бы не удалось. Плохо не знать дороги, но ещё хуже быть разиней. В наказание за разгильдяйство я лишился спиннинга, а ведь ниже водопада образовался обширный омут, в кото-

ром наверняка водились таймени и ленки.

Неким утешением потере послужили две занесённые песком банки каши, которые я случайно обнаружил у обрывистого берега. Однако сколько я не рылся в песке, более ничего не попало. Вероятнее всего, этот сюрприз уцелел со времён, когда здесь работали геологи.

Ночью вызвездило и впервые приморозило. Во сне я слишком близко придвинулся спиной к костру и очнулся от запаха гари. К счастью, обошлось без ожога, но энцефалитка и свитер прогорели. Утром – сплошной туман, но когда из-за сопки брызнуло солнце и туман рассеялся, я очарованно замер. Все деревья и кусты вблизи водопада были покрыты толстым слоем искрящегося инея, тогда как всюду простиралось лето. В августе я вдруг оказался на островке зимней красоты. Это зимне-летнее видение походило на волшебство.

Если не принимать во внимание чувств, вызванных волшебным видением, то последние двое суток принесли одни напасти: лиственница едва не придавила, ружьё в критический момент заклинило, ногу поранил, влетел в непроходимый порог, утопил спиннинг, прожёл одежду. Как бы не остаться голым...

Через два дня Мулам влился в Идюм. Напротив устья увидел избушку. Неподалеку от неё болтался на воде «кораблик», привязанный к берегу толстой леской, на которой болтались мушки для ловли рыбы. Я обрадовался предстоящей

встрече с людьми. Но хозяев нигде не было, от золы в печке веяло холодом. Один раз на вершине господствующей здесь горы в десяти километрах от избы едва заметен был слабый дымок. Скорее всего, хозяева ушли добывать стланиковые шишки и вернуться не скоро. Лето на исходе, ждать некогда, поэтому утром, оставив в избе ставшие ненужными блесны, уплыл по перекастистому Идюму километров на тридцать, откуда мне предстояло перейти на реки Сивагли и Большой Тыркан. Русло Идюма оказалось настолько усеяно каменными отмелями, что когда сплав закончился, я облегчённо вздохнул: теперь плот долго не понадобится.

Сивагли

Прощайте, лето и Якутия! Здравствуйте, осень и Хабаровский край! Вспомнилась беззаботная ученическая пора. Жаль, что уже никогда не встретить 1 сентября за партой, за студенческой скамьей...

Непогода отняла у меня ещё один день, и я провел его в раздумьях: продолжать ли намеченный маршрут или плыть на Алдан? Снаряжение поизносилось, сапогам необходимо чуть ли не ежедневное латание. Но сильнее всего достала слякоть. Однако размышления о первопроходцах, «многую нужду» терпевших, склонили чашу весов в пользу продолжения маршрута: здоровье пока не подводит, а остальное приложится.

Переправился на противоположный берег, перевел стрелку часов на хабаровский часовой пояс, наловил хариусов и, пока сушил разобранный плот, увидел, что через реку плывет сокжой. Сначала хотел подстрелить его, чтобы запастись мясом, но стало жалко красавца. Ну сколько я утащил бы в сидоре? Килограммов десять-пятнадцать, а остальное – медведям? Пусть уж сами о себе позаботятся.

Не успевает просыхать тайга. Только начинает светить солнце, как тут же из-за сопок наползают рваные тучи и выливают на деревья и кусты очередной заряд холодного осеннего дождя. От сырости ощущение холода усиливается, и ес-

ли тело при ходьбе разогревается, то кисти рук дубеют. Кустики голубики окрасились в красный и бордовый цвета, ягоды стали мягкими, давятся в руках, сок въедается в кожу, придавая ей фиолетовый оттенок.

Чем ближе к перевалу, тем сильнее осень вступает в свои права. Всё вокруг усыпано жёлтой хвоей лиственниц. Вечерами, снимая с себя одежду, я вытряхиваю из неё по нескольку пригоршней мягкой хвои.

Водораздел между Сивагликаном и Сивагли мрачный, густо заросший стлаником, видимость не далее трёх метров, внимание постоянно напряжено. В верховьях распада встретились остатки медвежьей трапезы: разбросанные изгрызенные кости сохатого. Когда перевал остался позади, идти стало веселее.

Пересекая марь в долине Сивагли, наткнулся на могилу. На едва заметном возвышении посреди мари из толстых лиственничных плах сколочен ящик, уже разрушенный. Сверху установлена литая чугунная плита с отлично сохранившейся надписью: «Здесь покоится прахъ тунгуса Бытальскаго, бродячаго рода... умершаго 3 января 1901 г.» Никаких следов или троп рядом нет. Почти вековой давности могила пуста. Видимо, когда-то постарался медведь. Меня взволновали слова «тунгуса Бытальскаго», ведь отряд Ивана Москвитина начал свой поход с земель эвенкийского рода Бута... Спустя два часа, пройдя вверх по притоку, обнаружил ещё одну пустую могилу, но без надгробной надписи

с сохранившимся на ней деревянным крестом, именуемом ныне православным. Когда-то эти места были обитаемы...

На плоский водораздел между реками Сивагли и Большой Тыркан спустились тучи, окрестности исчезли в тумане и я впервые сбился с нужного направления. Идти наугад, наматывать лишние километры, когда их впереди ещё сотни, не хотелось, но ещё больше не хотелось останавливаться. Пришлось немного поплутать по лесистому плато. После нескольких поисковых галсов удалось определиться и продолжить путь.

Начинает сказываться скудость продовольственных запасов. Позволяю себе съесть не больше полпачки супа за раз, или пачку-полторы в сутки. Ноги после часа ходьбы слабеют, всё чаще спотыкаюсь, а все думы сводятся к пище. Поедаю голубику, бруснику, и шиповник. Не упускаю толокнянку, шикшу, переспелую морошку и недозрелую клюкву. Но они встречаются редко. От ружья в последние дни пользы никакой – вся живность спряталась, видимо, учуяв моё желание плотно закусить.

Вечером вышел на берег Большого Тыркана. Извиваясь между высоких склонов и обрывов, он встретил меня шумом длинного переката. До наступления сумерек оставалось мало времени, но я соорудил снасть и принялся рыбачить. Однако место оказалось слишком быстрым, и рыба здесь не держалась. Только на следующее утро ниже переката удалось выловить килограммового ленка – и упустить тайменя.

Сколько еды вильнуло мне хвостом! Сколько ненужных слов слышали скалы!

До места слияния Большого Тыркана и Тыркана, вверх по которому был намечен дальнейший путь, оставалось не более трёх километров. Но вместо берегов – обрывистые прижимы, и пройти нельзя. Впрочем, всё равно нужно перебираться на противоположную сторону, поэтому я собрал плот, выбрал из кучи плавника обломок, отдалённо напоминающий весло, и пустился в короткое плавание. Быстрый поток едва не пронёс меня мимо устья Тыркана, ниже которого бесновались вспененные буруны. Из двух зол выбирают меньшее. Чтобы не купаться с головой, я спрыгнул в воду на метровой глубине и подтащил плот к берегу.

Обычно в глухой тайге у места слияния больших рек располагается либо охотничье зимовье, либо постройки, оставшиеся от какой-нибудь экспедиции. Здесь же, кроме свежих следов сожоя и медведя, я увидел лишь полувековые замшелые пеньки. Место дикое.

Путь вверх по Тыркану, судя по сгусткам изолиний на карте, не сулил лёгкой прогулки. Чтобы облегчить ношу, я вытряхнул из рюкзака содержимое и провёл тщательную ревизию. Отрезал от матраца покрытую «шрамами» подушку и всё лишнее – пустые гильзы, запасные портянки, фотоаппарат, прочие мелочи – упаковал в неё и подвесил на сучок в пяти метрах от земли. Рюкзак стал легче килограммов на пять.

Тыркaн в нижней части своей – почти сплошной перека́т. Охотиться на редких уток я даже не пытался – меткий выстрел ничего не давал, бурное течение не оставляло надежд добраться до трофея. На крутых склонах почти не было ягод. На привалах, чтобы наполнить живот, варил дежурные полпачки супа в литре воды. Сначала выхлёбывал жидкость со скудными жиринками на поверхности – это на первое; а на второе оставалось несколько ложек гущи – риса или гороха, в зависимости от сорта похлебки. На третье – чай без сахара. От такой пищи сил, конечно, не прибавлялось.

Пробираясь по густому подлеску, услышал чью-то возню, а затем увидел на середине невысокой лиственницы соболя, с любопытством вытянувшего мордочку в мою сторону. Конечно, соболь – еда не вкусная, но на безрыбье и рак рыба. Ранней осенью шкурка соболя не представляет ценности, и всё-таки не хотелось испортить её. И пока я выбирал место для выстрела, зверёк, почуяв неладное, удрал.

Вокруг солнца появилось обширное гало, предвещавшее затяжную хмарь и слякоть. Резкий холодный ветер придавал бодрости, и я спешил найти хорошее место для ночлега. Река стала более спокойной, с обширными косами. Появилось много следов лосей, волков, реже встречались следы сожоя и медведя. Однако на глаза звери не попадались. Брусника приелась, от кислой пищи рот перекосило, а язык, кажется, даже распух. Ближе к вечеру заметил на спокойной воде стайку чирков. Местность, как назло, была открытой.

Чтобы не вспугнуть уток, я сбросил рюкзак и по-пластунски прополз метров сто между мокрыми кочками. Подождал, пока несколько уток соберутся вместе, и одним выстрелом подбил сразу трёх. Оборудуя стоянку, засёк ещё стаю уток. Охотиться было уже поздно, и я решил: раз места пошли утиные, завтра добуду ещё, а сейчас не буду экономить – съем двух. Чирки – самые маленькие из утиного племени, и, честно говоря, мне хотелось съесть сразу всех.

Проснувшись ранним утром под аккомпанемент моросящего дождя, я невольно придвинулся к костру, и подумал о домашнем уюте, как о великом благе, которое в городе почему-то незаметно. А ведь дома иногда можно услышать волшебные слова: «Вставай, завтрак готов!»

В полдень опять одним выстрелом уложил трёх нырков. Может, я снайпер? Опасаясь, что течение унесёт добычу, кинулся в реку прямо в одежде. Пока сушился, одного съел. Эти утки покрупнее чирков. Я никогда не «вкушал» амброзии – пищи богов, но отныне это слово будет всегда вызывать воспоминания о холодном берегу Тыркана и тающих во рту кусках жаркого из нырка. Правда, и недобрая примета связана с этим приятным воспоминанием. Небольшая скляночка с солью, которую я носил в кармане, выпала и разбилась. Ни в тот день, ни на следующий – ничего не произошло. И всё же вскоре я воочию убедился – примета бытует не зря.

Амнундали

Если бы у меня была рация, то впору было запросить подмогу. Сентябрь, холодный дождь, вокруг глухая тайга, а я – погорелец. Впрочем, всё по порядку.

Накануне, рассматривая карту, я вынужден был сделать выбор: либо идти дальше по Тыркану, полагаясь только на свой глазомер (карты на тот участок не было), либо же свернуть на речку Амнундали. Признаюсь, это название мне сразу не понравилось. И не знаю, что сыграло большую роль в дальнейших событиях: разбитая склянка с солью или же дурное предчувствие. Но очень уж не хотелось идти вслепую, хотя, как я уразумел через три дня, следовало прислушаться к внутреннему голосу, тогда наверняка бы я сделал правильный выбор и облегчил свою участь. Но это, так сказать, лирическое отступление на тему мистики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.